

Tai, kas autoriaus palikta be etimologijų, iš tiesų yra neaišku, sakysim, *Jūžintas*, *Ošvenčià*, *Sỹsvantas*, *Ušaňtė*.

Kas be ko, vienu kitu atveju ir pateiktieji aiškinimai atrodo ne visiškai įtikimi, svarstyti. Pavyzdžiui, upės vardas *Dergintas* kilinamas iš nepaliudyto, rekonstruojamo sudurtinio asmenvardžio **Dergintas* ar **Dergintas*. Tačiau bene įtikimiau šį upės vardą būtų sieti su lie. *Dárgè*, *Dargióji*, *Dargžlė*, *Dargùpė* ir pan., svarbiausia turint galvoje pr. *Dargen* ež., lat. *Dargainis* miškas ir kt. bei platesnį indoeuropietiškąjį toponiminį kontekstą, visų pirma, Balkanų pusiasalio, ypač trakų vardyną².

Gieta ežero vardo *Geřmantas* siejimo su liet. asmenvardžiu *Geřmantas*³ bei su liet. *Girmuõ* : *girmuõ* „senas miškas, giria“⁴, dar

² В. Н. Топоров, К фракийско-балтийским языковым параллелям, „Балканское языкознание“, Москва, 1974, 47–48.

³ A. Vanagas, Lietuvos TSR hidronimų daryba, Vilnius, 1970, 118.

⁴ B. Šavukynas, Ežerų vardai, E—G, — Lietuvių kalbos leksikos raida (LKK VIII) Vilnius, 1966, 189

galima būtų turėti galvoje įmanomą ryšį su lat. *gařme* „šiluma“, trak-dak. *germas* „šiltas“, gr. θερμός „šiltas“, arm. *ǰerm* „šiltas“, av. *garəma* „šiltas“ : ide. **g^hhermo-* „šiltas“⁵.

Upės vardo *Kūrantas* negalima sieti su ežero vardu *Kurōnas*, nes pastarasis vandenvardis, pasirodo, yra naujas, kilęs iš slavizmo *kurōnas* „supilta kalva“; kupstas, kemas“. Vietovardžių, kilusių iš slavizmo *kurōnas*, Lietuvoje yra gana daug, plg. *Kurōnai* miškas (Degučiai, Dieveniškės), kapai (Joniskis, Tauragnai), laukas (Alsėdžiai), kalnelis (Salakas), *Kuronaĩ* bala (Gervėčiai) ir kt.

Bet, apskritai imant, P. Skardžiaus studija „Lietuvių vandenvardžiai su *-nt-*“ atrodo labai pavykusi. Be jos lietuvių ir baltų hidronimų tyrinėtojai dabar jau nebegalės išsiversti. Ji bus gera atrama tolesniems vandenvardžių aiškinimams.

A. VANAGAS

⁵ Žr. I. Duridanov, Trakisch-dakische Studien. Erster Teil. Die Trakisch-und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen, Sofia, 1969, 23.

Л. К. Цеплитис, Анализ речевой интонации, Рига, 1974, 272 с.

Исследования латышского лингвиста Лаймдота Цеплитиса хорошо известны литовским фонетистам. Его методы наблюдения просодических явлений и обработки акустических данных, изложенные в многочисленных статьях, успешно применяются в работах по литовской интонации. Поэтому появление книги „Анализ речевой интонации“ не было для нас неожиданностью. И все-таки она во многом превзошла наши ожидания. Вместо специального исследования отдельных аспектов латышской интонации Л. Цеплитис предложил нам стройную общелингвистическую теорию анализа и интерпретации всех просодических компонентов пред-

ложения, опираясь на собственные многолетние наблюдения над латышской бытовой, диалектальной, сценической речью и на невероятно богатую литературу как общелингвистического, так и сугубо специального характера: библиография работы охватывает свыше 1600 позиций.

Книга состоит из шести глав. Первая глава (с. 9–25) посвящается обзору основной литературы вопроса. Во второй главе (с. 26–30) дается краткий очерк лингвистических исследований латышского языка. В третьей главе (с. 31–55) излагается точка зрения автора на существующие основные методы получения исходного лингвистического материала. Центром

всей работы, несомненно, является четвертая глава „Лингво-акустический анализ интонации“ (с. 56—152), которая превосходит все остальные главы как по объему, так и по содержанию. В ней детально обсуждаются основные акустические, темпоральные и аудитивные характеристики интонационных явлений предложения, предлагается оригинальная методика исследования этих явлений. Пятая глава (с. 153—202) почти целиком посвящается спорному понятию интоны и конкретным интонам латышского языка. Выделяются интоны следующих типов: а) интеллектуальные интоны (актуального членения, отношения, основных форм высказывания), б) волюнтативные (повествовательные и побудительные), в) эмотивные (интоны гнева, нежности, печали, презрения, равнодушия, радости, стыда, удивления), г) изобразительные. Шестая, заключительная глава (с. 203—213) представляет собой краткий обзор синтаксической и стилистической функции интонационных признаков.

С теоретической точки зрения весьма удачным следует считать уточнение понятия интоны (с. 159—202), которое до настоящего времени оставалось настолько расплывчатым, что даже некоторые лингвисты вполне современного лингвистического „мировоззрения“ (напр., А. А. Реформатский) считали его малосодержательным и бесполезным. В книге Л. Цеплитиса интонация обрела ясную функцию и богатое содержание. Целесообразность, даже необходимость этого понятия доказывается тонким пространственным разбором интоном латышского языка, в котором автор успешно воспользовался своим богатым опытом специалиста по сценической речи и фонетиста-экспериментатора. Нет сомнения в том, что после настоящей работы интонация займет прочное место в фонологической и фонетической терминологии.

Пристального внимания заслуживают изложенные в книге рассуждения о системном характере интонации, о месте и значении народной речи в интонологических исследованиях. Особенно важным для дальнейшего развития нашей науки мы считаем „реабилитацию“ живой народной речи как важнейшего источника интонологической информации (с. 42): многими специалистами она считалась и считается слишком невыразительной и монотонной. Наши наблюдения за литовскими говорами в полевых условиях и магнитные записи со скрытым микрофоном полностью подтверждают точку зрения автора: даже самые обыкновенные бытовые диалоги многих представителей наших говоров отличаются высокой функциональностью и выразительностью интонационного оформления — выразительность отсутствует только тогда, когда она нецелесообразна.

Большое достижение представляют собой выработанные автором приемы и формулы (напр., с. 71, 84, 108, 125) для обработки эмпирических данных по таким параметрам, как относительная длительность пауз, переменность основного тона и интенсивности, крутизна отрезков основного тона, интонационный темп и т.д. Вполне обоснованно выдвинутое автором требование так называемой метрологической корректности (с. 59): этот принцип поможет ликвидировать пестроту и разноречивость, господствующий во многих современных экспериментально-фонетических исследованиях и, возможно, приведет к большему взаимопониманию между советскими фонетистами различных школ и направлений.

Все эти положительные качества книги Л. Цеплитиса дают нам право считать ее выдающимся достижением балтийского языкознания в одной из самых трудоемких и малоизученных его областей. Ее значение для дальнейшего развития литовской интонологии даже трудно переоценить: она уже теперь стала настольной книгой литовских фонетистов.

Положительно оценивая книгу в целом, мы все же хотели бы обратить внимание на некоторые недочеты, которые объясняются в основном тем, что автор недостаточно последовательно придерживается фонологической точки зрения: делает слишком большой упор на семантическую сторону интонации и контекст, нечетко разграничивает такие понятия, как выражение и содержание, факты языка и факты речи, собственно лингвистические явления и паралингвистические явления, репрезентативная функция и экспрессивная функция речевого сигнала. Соблюдение этих антиномий особенно важно при исследовании интонаций, которые на уровне наблюдения в большинстве случаев представляют собой сложное переплетение дистинктивных и экспрессивных и даже собственно лингвистических и паралингвистических явлений и признаков. Исследование вопросительных, побудительных и повествовательных интонаций значительно выиграло бы в ясности и четкости, если бы автор воспользовался понятиями маркированного и немаркированного члена оппозиции: напр., повествовательная интонация является немаркированной, поэтому при соответствующей конституации она может (а иногда даже должна) выступать в функции вопросительной и побудительной. Едва ли приемлемы (с фонологической точки зрения) такие термины, как *логическое ударение* и *синтагма*: между прочим, у последнего нет ясного определения („смысловое целое“, к которому, вслед за Л. В. Щербой, прибегает автор, — не точное, неясное понятие, допускающее самые различные толкования).

В книге (с. 43—55) слишком принижено значение аудиторского исследования: без таких экспериментов почти невозможно

добиться объективности слухового анализа речи; кроме того, они обладают некоторой эвристической ценностью даже в тех случаях, когда ответы аудиторов получаются противоречивыми.

При анализе акустических признаков иногда не учитывается время интеграции слуховыми органами соответствующих признаков и собственная интенсивность отдельных звуков. Почти не говорится о математико-статистической обработке экспериментальных данных — одном из важнейших способов извлечения инвариантных признаков интоном. По непонятным причинам не приведены технические характеристики приборов, на которых проводились эксперименты; не указаны даже типы и марки этих приборов. Формулы, предложенные автором выиграли бы в простоте и наглядности, если бы Л. Цеплитис довел свой принцип метрологической корректности до логического завершения и предложил для измерения временных отрезков единицу, принятую в физике, — секунду. Нигде не упоминается о существовании мелической шкалы измерения основного тона.

Серьезным техническим недостатком книги следует считать отсутствие в ней предметного указателя.

Все эти наши замечания не являются существенными. Они объясняются в основном сложностью объекта и противоречивостью существующих общелингвистических трактовок различных аспектов интонации. Нет сомнения в том, что книга Лаймдота Цеплитиса „Анализ речевой интонации“ внесла значительный вклад в советскую теорию интонации и является большим достижением балтийского языкознания.

А. Гирдянис